

Елена Литвяк
Елена Белякова

Уроки на корточках

Урок первый

Много ли мы знаем о младшем мире?

Прежде чем вторгаться в него со своими словами, попробуем на минуту превратиться в детей...

С высоты его маленького роста

Обычно мы не замечаем, как разговариваем с детьми. Вот учитель объясняет задачу. Говорит громко и отчетливо, правильным русским языком, а дети переспрашивают, словно бы не слышат. Мама диктует текст, останавливается, заглядывает в тетрадку через плечо сына, склоняется над ним, и он весь как-то сжимается. А мама торопит, настаивает: думай, думай же!

А вот совсем другая картинка: девочка сидит за столом, старательно раскладывая карточки со словами к фигуркам, пробует читать. Видно, что занятие совершенно новое, незнакомое, она вертит головой туда-сюда в поисках помощи. Учитель подходит тихонько к ее столику, присаживается на корточки, берет карточку со словом, прочитывает и показывает, как действовать. Девочка внимательно смотрит и с удовольствием повторяет. Минуты через две она продолжает заниматься совершенно самостоятельно и отвлекается первый раз пятнадцать минут спустя.

Странная на первый взгляд позиция — взрослый, сидящий на корточках, стоящий перед ребенком чуть ли не на коленях и именно так объясняющий важные вещи. Во-первых, это очень неудобно, а во-вторых, не скатится ли на пол и его взрослый педагогический авторитет? Но стоит попробовать

— и начинают происходить удивительные вещи: ребенок не только с первого раза слышит взрослого, но и гораздо охотнее с ним общается. Неприятно чувствовать себя опекаемым, зависимым и вынужденным подчиняться, а именно это прочитывает ребенок в позе взрослого, стоящего перед ним во весь рост, а то и нависающего всем телом. Да и вообще, согласитесь, сложно общаться с человеком, если видишь только его длинные ноги. Вот и сопротивляются наши дети по мере сил, а взрослые искренне удивляются, почему надо столько раз объяснять одно и то же. Совсем другое дело, когда ребенок видит наши глаза. Он чувствует: никто не собирается посягать на его «самость», поучать и манипулировать. С глазу на глаз обычно происходят разговоры близких людей, и если при этом один другого чему-то учит, это не воспринимается как научение. Поэтому ребенок с удовольствием обсуждает учебные и неучебные проблемы, если взрослые подсядет к его парте или столику на корточках или устроится рядом на маленьком стульчике. Это хорошо знают родители, воспитывающие маленьких детей; много времени (проводят на полу, чувствуют: так общаться с ребенком гораздо легче.

Урок второй

Оказывается, самостоятельность начинается с умения не торопиться

Жизнь не вовремя

Замечали, наверное, когда идешь незнакомой дорогой, тратишь времени гораздо больше. Потому что постоянно оглядываешься по сторонам. Вот и ребенок, для которого все дороги новые, движется медленно. Это признак не отсталости, а глубины его

желания как можно более внимательно осмотреться в новых обстоятельствах, чтобы быть абсолютно уверенным в правильности своих действий.

Мальчик медленно шнурует ботинки, потому что еще только учится это делать, и для него важно повторять каждый раз процесс во всех подробностях. А мама торопит: «Давай быстрее, опаздываем!» ...И завязывает ему шнурки сама. Ботинки или непослушные пуговицы на курточке - это еще что. Настоящий пробный камень терпения взрослых — тридцать три буквы русского алфавита. Очень немногие дети, да и то на короткий промежуток времени, добровольно согласятся осваивать грамоту лишь через книжки и тетрадки. Это привлекательно, пока необычно. Такое учение быстро становится частью повседневной жизни, и интерес пропадает, а необходимость осваивать навыки остается. Начинается непонимание, а следом — и отставание. Папа выходит из себя, видя пустые глаза сына, которому он уже в десятый раз объясняет правило. Глаза наполняются слезами. Папа уходит из комнаты, хлопнув дверью.

А долго ли ждать, чтобы ребенок самостоятельно научился тому или этому? Если долго, то придется проявить терпение, которого у нас, взрослых, маловато. А если недолго, то почему мы стремимся сделать все сами, вместо того чтобы понаблюдать со стороны?

Часто родители, да и многие учителя, забывают,

что ребенок совершенно по-другому живет в потоке времени. У него почти еще нет памяти о прошлом и туманны представления о будущем, что уж говорить о каких-то целях, весьма неясных, про которые все время твердят взрослые. Чувство времени в том виде, в каком оно присуще взрослым, возникает у человека годам к девяти. Зато с самого рождения у ребенка есть огромное желание освоить премудрости взрослого мира как можно лучше и желательнее самому. Это трудно, получается не сразу, но если поддерживать и не ограничивать жесткими временными рамками, ребенок обязательно всему научится в свой срок. Поэтому так важно поверить в это, запастись терпением и иногда просто подождать.

Но труд настоящего терпения — тяжелый труд, он требует не пассивного ожидания, а неустанного поиска ходов, которые помогали бы ребенку в движении саморазвития.

Ребенок что-то уже может делать сам, и на эту отвоеванную им территорию взрослому лучше не вторгаться, а в чем-то ему еще нужна помощь. Но в том-то и дело, что помощи этой надо знать меру. Альвин Апрашев, который много лет вел исследовательскую работу со слепоглухонемыми детьми, называет это совместно-разделенной дозированной деятельностью. Именно дозированной, ведь нам, взрослым, очень трудно бывает вовремя остановиться.

В педагогической культуре есть (и немало!) си-

стем обучения, при которых и учебная среда, и атмосфера занятий способствуют воспитанию терпения, самостоятельности, а в конечном итоге — человеческого достоинства. Это системы, основанные на педагогике саморазвития. Есть школы, в которых например, отсутствует классно-урочная система, и дети работают по индивидуальным программам. В классной комнате в шкафах и на полках собрано множество книг, дидактических и лабораторных материалов. Причем каждого по одному экземпляру. Нельзя мешать другим, а потому часто приходится ждать необходимую книгу или коробку с карточками. То есть условия занятий таковы, что без специальных бесед о нравственности и других воспитательных приемов человек становится терпеливым и деликатным, начинает уважать работу других.

Школа без букваря

Учебный год уже почти заканчивался, а она все не умела читать. Тянула слова по складам, как ученики графа Толстого: тэ-у - ту, че-а-ча. Туча. Туча собиралась над ее головенкой. Папа ужасно сердился, но мама уверенно говорила ему: «Давай еще пождем, совсем скоро все произойдет...»

Юльке повезло. Мама отдала девочку в такую школу, где было создано особенное учебное пространство, наполненное множеством вещей и приспособлений, с помощью которых ребенок самостоятельно или с незначительной помощью учителя решал свои проблемы с освоением грамоты или счета. Дети не сидели целыми днями за букварем, а читать умели, не писали в прописях палочки, а слова выводили ровно и очень рано начинали сочинять собственные оригинальные тексты. Но главное — предмет занятий они выбирали сами. Для того чтобы было из чего выбирать, учителя очень внимательно наблюдали за детскими интересами и расставляли по полочкам вещицы и книжки, придумывали занятия для учеников, совмещая собственные педагогические устремления с детскими интересами.

Юлька очень хотела научиться читать, но за кни-

гами ей скоро стало скучно.

Тогда учительница подвела ее к полке, где стоял ящик со специальными буквами, вырезанными из шершавой бумаги. Они поразили девочку: все надо делать наоборот — читать с завязанными глазами, ощупывая очертания буквы пальцами, а не следить по строчкам! Несколько дней подряд она только этим и занималась, сосредоточенная и довольная. Когда снова вернулась к напечатанному тексту, дело пошло гораздо быстрее, потому что, кроме зрительного образа буквы, был еще и тот, что запомнили пальчики.

Слоги давно уже были освоены, но целыми словами она читала с трудом. И тогда учительница показала ей еще одну «волшебную» коробочку. В ней лежали картонные карточки с тесемочками, прикрепленными к их краям. На них было написано: «стул», «стол», «шкаф», «Катя» и множество других слов. Читать по слогам не требовалось — нужно было как бы сфотографировать слово целиком, ухватив его образ, и совместить табличку со словом и предметом. Сработала учительская интуиция: Юля, обожавшая рисовать, не могла не увлечься этой игрой в образы слов. Так был сделан еще один шаг.

Проходил месяц за месяцем, девочка осваивала грамоту через самые разные педагогические изобретения. Дело двигалось медленно, но и мама, и учительница были уверены: еще чуть-чуть подождать и...

Конечно, все произошло. В апреле, когда первый класс был захвачен идеей написания коротких докладов о животных, Юля тоже попросила включить ее в число выступавших.

— Но ты же читать не умеешь! — сказал сосед по парте.

— Я умею, умею, у меня получится!

Ее первый доклад состоял всего из нескольких предложений, но весь класс замер — на их глазах происходило чудо. Юля читала! С этого дня ее как прорвало: она с удовольствием читала, простенькие детские книжки перестали ее интересовать достаточно быстро. За Драгунским последовали Носов и греческие мифы. В десять лет она попросила принести ей «Онегина». Трудно было поверить, что эта девочка научилась читать позже всех в классе.

Она сделала это сама, когда пришло ее время

Урок третий

Сделай шаг,
чтобы посмотреть на себя со стороны
Что со мной было?

Не секрет, что видение собственных изменений приносит и детям, и взрослым радостный энтузиазм. Но в школе, к сожалению, проявлять свои рефлексивные способности не так-то просто, ведь в нашей образовательной традиции не принято слышать самого себя - надо слушать учителя.

А все-таки заманчиво научить ребенка самосто-

фото Павла Ледвика

Если позволить детям сравнивать и анализировать явления жизни и социальные отношения, то можно увидеть, с каким удовольствием они станут описывать происходящие события и делать попытки объяснять собственные чувства и переживания.

ятельно писать «повесть дней своих и страстей своих», как говорила Марина Цветаева. Не все взрослые хотят и умеют делать эту трудную работу. Но, возможно, именно в культуре рефлексии — умении размышлять о самом себе — и заключен общий смысл движения нашего мировоззрения.

Если позволить детям сравнивать и анализировать явления жизни и социальные отношения, то можно увидеть, с каким удовольствием они станут описывать происходящие события и делать попытки объяснять собственные чувства и переживания. Так же открыто дети будут выражать свое отношение и к предмету учебной деятельности, пробовать отстаивать свою точку зрения, а значит, поднимутся на следующую ступеньку развития, связанную с выращиванием в себе рефлексивного сознания. Учителя одной московской школы сознательно сделали рефлексия частью повседневной жизни. Вот что из этого вышло.

Каждый день ученики 1—4 классов усаживались в кружок на полу для особенного утреннего разговора, который на языке взрослых назывался рефлексивным кругом. Начинали с самого простого — описания событий, происходивших в выходные дни. Учитель разными способами поддерживал стихийно возникавшие диалоги. Благодаря таким кругам маленькие собеседники, не подозревая об этом, достигали сразу нескольких целей, связанных с их ближайшим развитием. Привыкали слышать других (это им пригодится через несколько лет, когда окажется очень важным знать мнение других людей о себе), постепенно учились фиксировать моменты собственной жизни и как-то относиться к ним.

К концу первого года таких постоянных разговоров почти у каждого ребенка вырос интерес к действиям всей детской группы, уже не надо было

никого уговаривать принять участие в какой-то общей затее. Более того, вдруг появилась потребность понять, какую роль каждый играл в происшедшем. Тогда была придумана серия рефлексивных кругов, посвященных обсуждению совместной деятельности. Они напоминали коммунаские «огоньки»: говорили о том, что получилось хорошо, что получилось плохо, что надо сделать в следующий раз. И восьмилетние дети достаточно критично рассуждали о собственной игре в спектакле или участии в матче, а девятилетние с удовольствием обращали внимание на необходимость и ценность общих усилий всех участников действия для того, чтобы оно состоялось.

Накопившийся в таких разговорах опыт переживания и последующего осмысления своей деятельности помог сделать через какое-то время следующий шаг — начать думать о действиях, перед тем как их совершить.

Зеркало на листе бумаги

На одном из рефлексивных кругов в третьем классе учительница положила в центр лист, разделенный на клеточки, в которых что-то было написано, и рядом — пачку пестрых наклеек. Это был «лист достижений». Как раньше учитель все время придумывал множество приспособлений для того, чтобы ребенок имел возможность совершенно самостоятельно или с минимальной помощью взрослого осваивать академические предметы и окружающий его мир, так теперь он предлагал своим ученикам еще один весьма своеобразный дидактический материал. На этот раз для выращивания в себе способности к самоконтролю и саморазвитию.

На первых порах ребенку гораздо легче, если качества, которые он хотел бы приобрести, сформулированы заранее в виде позитивного утвержде-

ния. Например: «из-за меня никто не плачет». Поэтому они заранее записаны в каждой графе листа, разделенного на клеточки (для начала не больше семи—десяти качеств). На цветных наклейках написано то же самое. Принцип действия чрезвычайно прост — во время рефлексивного круга любой ребенок может заявить: «Мне кажется, я уже могу получить эту наклейку, я уже перестал драться». Если это действительно так, все участники круга соглашаются дать ее. Если же нет, в достаточно мягкой форме ребенку дают понять это. Причем делает это не учитель, а сами ребята. Задача же учителя в этот ответственный момент — принимая участие в разговоре, строить его так, чтобы происходило обсуждение именно действий ребенка и его усилий по самосовершенствованию, но не его личности. Не «ты — драчун», а «ты вчера подрался, поэтому мы не можем пока дать тебе эту наклейку. Зато на этой неделе было всего две драки, а на прошлой — целых четыре. Еще чуть-чуть, и ты сможешь решать конфликты при помощи слов, а не кулаков, как взрослый!» И ободренный ребенок еще больше укрепляется в желании сражаться с недостатками.

Через некоторое время «лист достижений» приобрел такое же значение в их глазах, как и дверной косяк в комнате, на котором они с удовольствием отмечают, на сколько сантиметров выросли. Теперь вместе с физическим ростом их привлекал и рост внутренний. Один мальчик даже сказал как-то: «Я понял, что душа тоже должна расти!»

Ребята постарше, десяти-одиннадцати лет, уже не нуждались в предварительном формулировании целей взрослым. Их «лист достижений» составлялся уже самим ребенком. Десятилетняя девочка записала в него такие цели для себя: не опаздывать по понедельникам, не вредничать, аккуратно писать всю неделю. И очень старалась их достичь.

Зачем это все?

Зачем устраивать общие обсуждения, может быть, проще отругать или похвалить? Безусловно, проще. Но тогда ребенок привыкает все время оглядываться на свои действия только в присутствии взрослых и совершенно не делает этого, когда никого рядом нет. Он думает примерно так: «Раз взрослый все время обращает внимание на то, что я делаю, это ему надо. Надо ли это мне?» А тут одно из правил игры: ты всегда можешь пропустить ход, отказать от каких-либо заявлений о себе. И ребенок чувствует во всем этом личный интерес — двигаться вперед или сидеть на месте.

Почему все это происходит во время общих рефлексивных кругов, а не наедине? Во-первых, потому что навыки поведения среди людей невозможно осваивать в одиночку. Во-вторых, дети восьми-девяти лет — страшные обезьянки, им очень хочется заняться тем же, что увлекает приятеля, поэтому общее обсуждение жизни — стимул к ее совершенствованию. И, на конец, рефлексия — такой же навык, необходимый человеку, как и умение читать

и писать. А раз над учиться, то очень существенно, чтобы первые шаг поддерживались и поощрялись всеми. Это попозже лет в двенадцать-тринадцать, подросток захочет растить свой дух в одиночку, лишь иногда поверяя движения души избранному кругу. Тогда наступит время личного дневника, запираемого в ящик на ключик. Но теперь он уже будет способен делать это совершенно самостоятельно и достаточно глубоко, потому что есть к тому привычка, потому что зеркало собственной жизни, пусть и маленькое пока, он уже создал в своей душе.

Урок четвертый

Найди место для себя

И ты наверняка сможешь справиться с любым беспорядком

Дети любят незыблемые правила?!

Почему детей никак не приучить к порядку? Почему два слова — «дети» и «беспорядок» — давно уже стали синонимами во взрослом мире? Ведь родители и учителя стараются изо всех сил.

Парадокс заключается в том, что на самом деле дети очень любят порядок, более того, стремятся по возможности установить его в своей жизни. Когда двухлетний малыш громко ревет и отказывается идти на прогулку в шарфе, повязанном назад, потому что мама всегда повязывает его вперед, — это не каприз. Это попытка вернуть незыблемый порядок вещей: так бывает каждый день, значит, так должно быть всегда. Когда игра семи-восьмилетних мальчишек во дворе расстраивается из-за одного, который все время нарушает правила, когда они довольно долго кричат и жестикулируют, вместо того чтобы опять играть, — это тоже попытка установить порядок заново. Когда девятилетняя девочка выпрашивает у взрослых красивые коробочки от конфет и лекарств и сортирует собранные летом на море ракушки по группам, она пытается превратить собранные сокровища в упорядоченную коллекцию. Таких примеров можно приводить великое множество. Потому что в жизни каждого человека существует особый сензитивный период порядка, когда упорядочивание собственного бытия и мира вокруг становится самой главной его потребностью.

Этот период — подарок природы, который подчеркивает принадлежность человека к космическому мирозданию, к общему мировому порядку. Но на него мало кто обращает внимание, потому что он протекает от первых месяцев после рождения до трех-четырёх лет, а потом угасает, если не поддерживать. И когда дети приходят в школу, мы начинаем этот порядок требовать с них, и чаще всего наши требования и прямые призывы, к сожалению, вызывают у детей отрицательные эмоции или вообще не воспринимаются.

Как разложить по полочкам внешний мир

Дети тихи и сосредоточены, когда им есть что делать. Например, что-то записывать, чертить, листать книжку, показывать соседу по парте фокус. Одна учительница провела такой опыт: стала читать вслух программный текст и потихоньку отмечала, когда кто из детей отвлекается от слушания: начинает вертеться на стуле, достает из кармана какую-нибудь вещицу, толкает соседа. Она обнаружила, что у некоторых внимание кончалось уже на второй минуте. Другие сидели неподвижно, повернувшись к окну, но было ясно, что они тоже потеряли нить текста и больше не слышат ее слов. На следующем уроке она сказала:

— Если хотите, можете что-нибудь рисовать или чертить на листочках, а я буду вам читать вторую главу «Евгения Онегина». Потом поговорим, что вы услышали. На листках у многих детей стали появляться орнаменты, заштрихованные фигурки и прочие изображения, не требующие при их выполнении сосредоточения. Учительница поняла, что руками дети выполняли именно механическую работу. А головы были заняты другим. Беспокойные руки не мешали уму воспринимать впечатления от услышанного. Поэтому когда началось обсуждение, дети включились в него моментально, и их суждения были точны и убедительны.

В том-то и дело, что, если мы хотим помочь ребенку разобраться со своими мыслями, сконцентрироваться и упорядочить внутренний мир, мы сначала должны привести в порядок мир внешний. Разумеется, не глобальный и не космический, а очень маленькую территорию: рабочий стол, полку с книгами, класс, да и просто портфель или пенал. Такая мелочь, а имеет значение.

Что вокруг происходит?

Почему переход из детского сада в школу часто сопряжен с большими потерями и стрессами? Вернее всего потому, что резко меняются внешний порядок, ритм и способ жизни ребенка.

Но похожее происходит и с более старшими детьми, которых мы до поры до времени учим в строгой классно-урочной системе, а потом вдруг говорим: у нас с седьмого класса свободный выбор предметов, индивидуальные планы. По сути, мы ломаем выстроенный нами же прежде внешний порядок детской жизни, внешние ориентиры и почему-то полагаем, что за этим последует внутренний рост. Девочке, неплохо учившейся девять лет в строгой академической школе и оказавшейся волею судьбы в школе самоопределения, пришлось все свои силки бросить на адаптацию к новым внешним условиям жизни. Более полугодия ее размышления концентрировались не на учении как таковом, а на попытках разобраться, что вокруг происходит, куда все бегут, почему кричат, как могут быть столь свободными в отношениях с учителями. Новый порядок жизни приводил ее во внутреннее смятение и притуплял сознание. Одноклассники говорили: «Ты что, дурочка? Не знаешь таких простых вещей!» Слава Богу, взрослые, которые окружали эту девочку, понимали, что именно с ней происходит, и не добивали двойками по математике или по истории XX века.

А ведь все произошло из-за того, что были нарушены порядок вещей, ритм и стиль ее жизни, атмосфера и прежний уклад.

Следующий шаг

Оказывается, все это надо не просто вводить в жизнь ребенка, а выращивать в нем с самого маленького возраста, с того самого момента, когда период порядка находится в своей наивысшей точке, когда он естествен, не вызывает стресса, а как раз, наоборот, упорядочивает сознание.

Именно через целенаправленные добровольные действия, самостоятельно контролируемые, регулируемые свободной деятельностью других детей, у ребенка появляется внутреннее ощущение порядка. Он поднимается на качественно новую ступеньку, переходит от установления порядка во внешнем мире к установлению порядка внутри себя. С особой силой это проявляется на исходе детства, лет в восемь-девять, когда существенно важными для ребенка становятся усилия по самовоспитанию.

Если все это заметить в свое время и поддерживать, у детей появится возможность начать целенаправленно и сознательно выращивать в себе внутреннего человека. Тогда и произойдет с душой ребенка настоящее чудо. Как сказал десятилетний Юра: «Главное, что я теперь слышу свой внутренний голос».

Урок пятый

Почему, когда мы говорим о свободе ребенка, важно думать об окружающей его среде?

Дети свободны, но...

Кажется, нет ничего нового в утверждении, что истинная свобода ребенка сопряжена прежде всего с освоением им окружающей среды. Но часто это утверждение остается лишь теоретическим. На практике мы считаем, что наши педагогические расчеты и методы воздействия на ребенка гораздо важнее и точнее воспитывают его, чем мир предметов и простых, обыденных вещей. При этом часто провозглашаем, что дети свободны, потому что в наших методах нет никакого насилия. Но ведь все знают: читать учебники можно только за столом, книжку и тетрадку держать на расстоянии 20 сантиметров от глаз. Школьную мебель «расставляет» санэпидстанция. Мы принимаем ее строгие правила, которые нам почему-то важнее, чем здравый смысл. И уж конечно, нам не приходит в голову посоветоваться с детьми. Вот и выходит, что довольно скудное пространство мира окружает ребенка с полдевятого до двух-трех часов каждый день.

Диванчик для вязания и некоторые другие секреты

В одной прогрессивной школе решили расширить программу и устроить, кроме прочих, уроки вязания. Посадили за парты двадцать четвероклассников, показали, как со спицами обращаться, и дети начали вязать. Учителя радуются: мелкая моторика сразу у всех детей развивается, сосредоточенность и внимание повышаются, дети делом заняты. Учитель ходит между партами и наставляет. Никто даже не замечает комичности и неестественности такого урока. В обычной жизни разве придет в голову какому-нибудь десятилетнему ребенку заниматься вязанием за рабочим столом, сидя на жестком стуле, выполняя при этом работу ради тренировки собственных пальцев? Еще несколько таких обязательных уроков — и дети будут ненавидеть вязание!

Другое дело, если в классе у окна стоит мягкий диван, куда могут усесться трое-четверо ребятшек, а рядом — полка с корзинками, в которых лежат заманчивые клубки разноцветных шерстяных ниток, и толстые деревянные спицы торчат из берестяного туюска. Все это можно в любой момент взять в руки, рассмотреть, потрогать. Потом подойти к учителю и спросить, как пользоваться этими простыми вещами и для чего их человек изобрел. И что легче себе связать — шарфик или носки? Нет более приятного занятия, чем забраться с ногами на диван, выбрать теплый шерстяной клубок, взять в руки спицы и... Выходит, можно в расписание новый урок внести, а

можно диван в класс поставить. Главное — понять, ради чего нам эти изменения.

...В другом классе все поголовно увлечены чтением. Приносят интересные книжки, обсуждают, обмениваются. Скажут: это хорошая учительница сумела увлечь детей литературой. А вот и нет. Просто учителя сумели сделать не себя центром вдохновения к чтению, а атмосферу, невидимо наполняющую класс.

Для начала поставили книжный шкаф у входной двери и просто положили туда несколько книг. Пройти мимо него было совершенно невозможно. Кто-нибудь, пробегая, обязательно останавливался. При этом у шкафа отсутствовали дверцы и стекла, так что книжку можно было взять всегда. Потом выпросили старый матрац и несколько подушек и обшили их мягкой клетчатой тканью. И сложили все это в угол класса, поставив там еще одну этажерку с книгами. Получился такой импровизированный уголок для чтения возле теплой стенки.

На следующий день учительница предложила желающим заняться чтением там. Через некоторое время пришлось установить очередь, потому что желающих было слишком много. Потом в свободной части коридора поставили еще пару шкафов, потому что дети стали приносить книжки из дома. Появились книги, подаренные классной библиотеке с трогательными надписями типа: «Дар Юли и Юры Петуховых». Между шкафами поставили старые кресла. Учительница исподволь наблюдала, какие книги нравятся ее ученикам, обсуждала их с ними вместе, приносила новые, в которых ребята могли бы найти ответы на насущные для них сейчас вопросы. И много чего еще было придумано учителями и ребятами. Нетрудно догадаться, каким был любимый школьный предмет в этом классе.

Урок шестой

Выпустим дисциплину на свободу!

Мы привыкли думать, что школа немислима без контроля взрослых над детьми, а оказывается...

Мера взрослых вещей

Обычно говорят: школа у нас жесткая, зато и дисциплина железная, а если свободная, значит, расхлябанная. Можно ли сделать так, чтобы свобода и дисциплина уживались в одних и тех же стенах?

Для нормального роста и развития, а значит, для жизни ребенка свобода необходима так же, как любовь, свежий воздух и молоко. Если ребенку не предоставлять свободу, он в самом деле может умереть. Не физически, так духовно. Или оттаивать долго-долго.

В младенчестве малышу прежде всего необходима свобода движения; в раннем детстве к ней добавляется еще и свобода деятельности с различными

...не все мамы позволяют своим трехлетним дочерям мыть эти самые чашки, а папы дадут мальчишкам-трехлеткам гвозди и молотки. Хотя как раз именно этого им сейчас хочется больше всего. Им это просто необходимо, потому что наступил такой период в развитии — копировать жизнь взрослых.

предметами, а в школе — свобода выбирать учебные задачи и принимать собственные решения. Всем известно, что ребенок вырастает слишком неуверенным в себе и замкнутым, если чрезмерно занятые родители держали его часто в манеже, не позволяя пускаться в исследовательские путешествия по дому. Конечно, ему давали множество ярких игрушек, они до поры занимали его внимание. Но однажды наступает время, когда главной и любимой игрушкой у каждого человека становится собственный дом, который надо проползти вдоль и поперек, буквально попробовать на зуб. Для большинства взрослых это время — настоящее испытание их педагогических представлений. Трудно оставаться гуманистом, когда чашки летят со стола на пол. И ведь дело даже не в любимом сервизе — малыш может пораниться. И его поскорее отправляют в детскую, в лучшем случае дарят набор пластмассовой посуды, чтобы он мог заниматься с ней. И уж конечно, не все мамы позволяют своим трехлетним дочерям мыть эти самые чашки, а папы дадут мальчишкам-трехлеткам гвозди и молотки. Хотя как раз именно этого им сейчас хочется больше всего. Им это просто необходимо, потому что наступил такой период в развитии — копировать жизнь взрослых.

Обычно эта проблема решается просто, благо игрушечная индустрия в большом количестве выпускает всевозможные муляжи предметов. Считается, что именно они и позволят ребенку решить эти задачи. Но дело-то ведь не в простом копировании. Дело все в том, что ребенок по-прежнему хочет быть свободным, теперь свободным не только в исследовании пространства, но и свободным от беспомощности перед взрослыми вещами, это пространство

наполняющими. Он хочет научиться всему, что умеют родители: самостоятельно и быстро одеваться, наливать сок в чашку, не проливая на стол, резать огурцы для салата, подметать пол, прибивать крючки в коридоре. А потом, годам к семи, ему уже и этого будет мало.

Научившись читать, писать и считать, он хотел бы теперь сам решать, что читать и сколько, что писать и когда, как считать и где. Лучшими местами в мире ему представляются библиотека, небольшой магазинчик и иллюстрированный журнал. Он хотел бы проводить время не только в школе, но и на улице — ведь там можно тоже научиться интересным вещам. И тут снова взрослому приходится проверять свои педагогические пристрастия: либо сидеть рядом и делать вместе бесконечные уроки, либо предоставить свободу выбора и оказывать своевременную поддержку.

Все что угодно?

Что же, разрешать все что угодно? Пусть не ходит в школу, если не хочет, пусть читает все подряд, пусть дружит с кем попало? Конечно, нет. Свобода и безалаберность — разные вещи. Для того чтобы свобода выбора была действительно настоящей и педагогически эффективной, надо постараться устроить детскую жизнь так, чтобы было из чего выбирать.

Ведь ребенок на самом деле жаждет учиться, особенно в начальной школе, только он хочет чувствовать, что это его учеба, его выбор, его жизнь, а не мамина или учительницы. Как устроить такое специальное пространство свободной детской жизни? В мире существовало и существует множество таких свободных школ — школы Саммерхилл, Мо-

тессори, Дальтон-план, Френе. При некоторых методических различиях у них есть одно важное общее — вместо уроков большую часть времени дети заняты свободной работой, учебой по своему выбору и силам, в которой взрослый играет роль советчика и партнера.

И тут здравомыслящий взрослый опять, как в эпоху младенчества и раннего детства, тревожится: а как же ответственность, как же ребенок поймет, что на свете не все бывает, как хочется, как он научится себя ограничивать, как, наконец, он освоит положенные программы? Самое удивительное, что ответственности и самоконтроля у выпускников свободных школ гораздо больше, чем у любых других. Потому что, когда никто не контролирует тебя, ты вынужден контролировать себя сам. Правда, такое понимание возникает не сразу — через несколько лет. А пока ученики еще маленькие, им в этом помогают среда и уклад жизни школы.

Особенных воспитательных речей со стороны взрослого не требуется. Правда, при одном условии: если он продумал эту среду до мелочей. Тогда бессловесные вещи и течение времени воспитывают в ребенке те самые возделанные качества. Стоящие на полках изящные коробочки, кувшины и колбы приглашают обращаться с ними исключительно аккуратно — жалко разбивать такую красоту. Каждый предмет, каждая книга, находящаяся в классе в единственном экземпляре, зовут: выбери меня! Но в то же время напоминают: если уже кто-то другой меня выбрал, тебе придется подождать. И, кстати, не забудь убрать меня на место! Или вот мебель: хочешь — переставляй, как тебе удобно, только другим не мешай. А можешь и вовсе растянуться на коврик на полу. Думается, этот яркий зеленый коврик — изобретение мадам Монтессори — займет когда-нибудь почетную полку в музее педагогических инноваций, когда такой кто-нибудь откроет. Так из ежедневных свободных действий возникает спонтанная дисциплина.

Ценность своего решения

Такая чисто внешняя дисциплина, когда порядок возникает как бы сам собой. Годом к девяти дети обнаруживают потребность в дополнительном словесном регулировании порядка. Обычно это совпадает с тем периодом в их развитии, который связан с тяготением ко всевозможным правилам и законам. Они хотят уже не просто выбирать каждое утро, чем сегодня заняться. Им нравится составлять заранее планы работы (как папа в своем ежедневнике!), обсуждать с учителем свои возможности и результаты; незаметно подступает эпоха дневников, в которых слова, события и поступки подвергаются оценке. Им нравится устанавливать законы собственной жизни, например регулировать порядок во время занятий. И девятилетние дети придумали игру в хранителей тишины. Идея, конечно, не нова. Еще в начале века Мария Монтессори устраивала так называемые уроки тишины для очень малень-

ких деток, лет трех-пяти, когда в течение нескольких минут они сидели неподвижно в полной тишине с закрытыми глазами. Но главным тут был, бесспорно, взрослый, дети еще только учились владеть собой. С девятилетками история другая. Они сами хотели тишины, потому что трудно сосредоточить-

Однажды абсолютная тишина в классе продержалась полтора часа. Учитель приходил и уходил, глухо стучали о крышки столов передвижаемые учебные материалы, советы и помощь предлагались исключительно шепотом. Полтора часа тишины в классе совершенно здоровых, непоседливых восьми-девятилеток. Это и была та самая дисциплина активного свободного действия, а не пассивная дисциплина подчинения.

ся на делении в столбик, когда вокруг шумят. И тогда общим решением всего класса все замолкали на время, пока на доске было написано слово «тишина». Каждый день кто-нибудь писал мелом, сколько удалось продержаться. Заметьте, не учитель задавал рамки, а ребята сами выясняли, сколько они смогут. Для них в этом самосовершенствовании был почти спортивный интерес — смотрите, сегодня мы работали в тишине дольше, чем вчера! Что так увлекало их? Свобода собственного решения, свобода бросить в любой момент. Но почему-то не бросали. Ведь интересно, где крайняя точка терпения.

Однажды абсолютная тишина в классе продержалась полтора часа. Учитель приходил и уходил, глухо стучали о крышки столов передвижаемые учебные материалы, советы и помощь предлагались исключительно шепотом. Полтора часа тишины в классе совершенно здоровых, непоседливых восьми-девятилеток. Это и была та самая дисциплина активного свободного действия, а не пассивная дисциплина подчинения.

Вы скажете, что такая школа — утопия, как, впрочем, и многое другое, о чем мы рассказали в «Уроках на корточках». Может быть, и утопия, хотя именно в такой школе мы работали шесть лет. Раз можно создать что-то один раз, то почему бы не попытаться повторить или не перестроить уже существующее? Правда, для этого придется смело сознаться себе, что внешнее благополучие детей в нынешних начальных школах, равно как и в детских садах, кажущееся. Далекое не везде сегодня нашим детям жить хорошо.